



Хроники «Беркута»

Богдан Сушинский

Живым приказано сражаться

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 84(2)

Сушинский Б. И.

Живым приказано сражаться / Б. И. Сушинский —
«ВЕЧЕ», 2008 — (Хроники «Беркута»)

ISBN 978-5-457-00876-2

Поздняя осень 1941 года. Могилевско-Ямпольский укрепрайон. Группа лейтенанта Андрея Громова (Беркута) вынуждена оставить разбитый немецкой артиллерией дот и перейти к партизанским действиям в тылу врага. Но и давний противник Беркута оберштурмфюрер Штубер не теряет надежды разделаться с неуловимым русским... Роман входит в новый цикл «Беркут» известного писателя Богдана Сушинского и является продолжением романа «Опаленные войной».

ББК 84(2)

ISBN 978-5-457-00876-2

© Сушинский Б. И., 2008
© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

1	5
2	11
3	15
4	19
5	21
6	24
7	27
8	29
9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Богдан Сушинский

Живым приказано сражаться

1

Спецкоманда оберштурмфюрера СС Штубера «Рыцари Черного леса», спешно сформированная управлением СД при штабе группы войск «Юг», прибыла в Подольск почти сразу же после вступления туда передовых частей вермахта и румынской королевской армии. В городе пока еще царил хаос: особые команды вылавливали по окраинам успевших переодеться в гражданское легко раненных окруженцев и дезертиров, «фильтровали» застрявших здесь беженцев; местная полиция, штаты тюрьмы и лагеря для военнопленных еще только формировались, а всевозможные армейские и гражданские тыловые службы только-только успели найти себе приют и распаковать ящики с документацией.

Однако вся эта неустроенность Штубера не смущала. Даже при такой неразберихе людям его профессии можно успеть очень многое. Тем более что в его подразделение из пятидесяти человек входили русские белоэмигранты, а также украинцы и немцы, давно являвшиеся агентами гестапо, службы безопасности или абвера и получившие хорошую подготовку в разведывательно-диверсионных школах. Кроме того, в большинстве своем «рыцари» уже приобрели достаточный опыт борьбы с подпольем и силами сопротивления в Польше, Бельгии, Франции... Вот почему командование было убеждено, что теперь они столь же эффективно смогут оказывать помощь гестапо, сигуранце и местной полиции в подавлении сопротивления на Украине.

Наспех обосновавшись в одном из зданий на территории давно опустевшего и вконец разграбленного женского монастыря, оберштурмфюрер затребовал списки схваченных в городе русских диверсантов и активистов, попытался выяснить контингент лиц, преследовавшихся большевистским режимом, а главное – наладить контакты с давно действовавшей в городе и его окрестностях немецкой разведывательной агентурой, досье на которую ему было предоставлено еще на правом берегу Днестра.

Но каково же было удивление Штубера, когда сам он вдруг получил совершенно неожиданное для него задание. Несмотря на то что фронт продвинулся уже на добрую сотню километров вглубь Украины, гарнизоны нескольких мощных дотов, составляющих когда-то узловые точки линии обороны по Днестру, все еще отказывались сложить оружие. Сначала их сопротивление показалось столь незначительным эпизодом этой войны, что командование 2-й немецкой армии даже не сочло необходимым сообщать о сражающихся дотах в штаб южной группы войск. Однако потери возрастали, доты оказывались во все более глубоком тылу, и нужно было что-то предпринимать еще до того, как они попадут в сводки, направляемые в штаб Верховного командования вермахта.

Смелый рейд оберштурмфюрера Штубера по тылам русских, который он провел, воспользовавшись операцией по захвату моста в районе Подольска, и его обстоятельная разведка большого участка укрепрайона сразу же принесли ему славу опытного и бесстрашного разведчика. О его подвиге уже было доложено руководству гестапо в Берлине, и оно санкционировало представление Штубера к награждению Железным крестом.

Само собой разумеется, что когда стало ясно: гарнизоны дотов будут продолжать это бессмысленное сопротивление до последней возможности, – в штабе командующего группой армий «Юг» сразу же вспомнили об этом офицере. Ему и было приказано возглавить операцию по подавлению четырех дотов южнее Подольска. При этом в приказе особо подчеркивалось, что скорейшая капитуляция гарнизонов – задача не только сугубо военная, но и

пропагандистская. Русские и их союзники на Западе не должны получать столь яркие примеры героической борьбы против непобедимой армии фюрера.

Да, действительно, не должны... Как человек, знающий цену пропаганде, Штубер был абсолютно согласен с этим. К тому же он с трудом соглашался верить, что гарнизоны дотов настолько непоколебимы. Просто в подобных ситуациях нельзя полагаться только на оружие и угрозы. Чаще всего, наоборот, нужно исключать и то, и другое. Именно поэтому, прибыв в расположение 120#го дота, уже третьи сутки осаждавшегося немецкой и румынской ротами (а до них здесь оставили до трети своих составов две другие роты, сражавшиеся на этом участке в момент захвата укрепрайона), он был настроен весьма оптимистично. По крайней мере, Штубер твердо знал, что нужно сделать, чтобы русские осознали всю бессмысленность сопротивления.

– Господин оберштурмфюрер, вверенная мне рота...

– Знаю, обер-лейтенант, знаю, – снисходительно остановил его Штубер. – Еще несколько таких бездумных штурмов, и от вверенной вам роты останется только список личного состава. Сколько вы потеряли здесь людей?

– Сорок два человека, – Штубер был одного звания с командиром роты, но обер-лейтенант хорошо понимал, что простое соотношение званий здесь недопустимо. Перед ним был эсэсовец, сотрудник гестапо, командир особой команды... О чем его заранее поставили в известность.

– А наши доблестные союзники? – кивнул он в сторону запоздавшего с докладом румынского капитана, который, грузно переваливаясь с ноги на ногу, пытался подбежать оставшиеся двадцать метров.

– Около шестидесяти.

– Я вижу, вы даже убитых не хороните. И раненых тоже, наверное, оставляете на поле боя?

– Раненых стараемся подбирать, господин оберштурмфюрер. Ночью. В доте снайпер, мы несем большие потери.

– Что, действительно снайпер? Со снайперской винтовкой? Или просто метко стреляющий человек?

– Разве это можно определить?

– При некоторой наблюдательности.

– Не знаю. Но стреляет он метко. Не дай вам Бог лично убедиться в этом.

Они начали разговор на верхней террасе долины, однако Штубер постепенно спускался вниз, поэтому обер-лейтенант и румынский капитан, доклад которого Штубер так и не пожелал выслушать, вынуждены были спускаться вместе с ним. При этом они все время с опаской поглядывали на дот.

– Здесь уже опасный участок. Он простреливается из дота. Мертвая зона – вон там, господин оберштурмфюрер, – показал обер-лейтенант Вильке на плато за амбразурами. – Мы можем подняться на крышу дота. А на амбразуры можно взглянуть вон оттуда, от реки, из окопов...

– Я видел их, когда в этих окопах еще были русские, а вы со своей ротой отсиживались в тылу за пятьдесят километров отсюда. А что касается крыши – это интересно. Как ведут себя русские?

– Вчера они пытались вырваться из окружения.

– Вот как? Весь гарнизон?

– Почти весь. В доте оставалось несколько добровольцев, прикрывавших прорыв. Это была яростная атака.

– И что же?

– Семерых мы убили. Остальных заставили уползти в свою каменную нору.

– Почему же не ворвались в дот на их спинах?

– Это происходило около двух часов ночи. Русские прорывались в двух направлениях. Все произошло неожиданно.

– Понятно: вы не сумели организовать штурм дота, когда он, по существу, был небоеспособным. И еще... объясните мне: почему вы не выпустили русских? Почему не разомкнули кольцо окружения?

Обер-лейтенант удивленно смотрел на Штубера и не мог понять, шутит тот или говорит серьезно.

– Что вы так смотрите на меня, обер-лейтенант? Вам не понятен вопрос? Или размышляете над тем, как бы получше донести на меня в гестапо?

– Мы не имели права упускать этих русских.

– А загонять их назад, в дот, чтобы они сопротивлялись еще яростнее, обстреливая наши переправы и дорогу на той стороне, вы имели право? – Штубер не повышал голоса. Он говорил спокойно, с почти доброжелательной улыбкой на лице. Но именно это спокойствие гестаповца привело обер-лейтенанта в холодный ужас. – Русские вышли из дота. Почти весь гарнизон. Пошли на прорыв. Неужели непонятно, что на вашем месте любой мыслящий офицер бросал бы каждому русскому по плитке шоколада, только бы он подальше убрался отсюда? А вам, капитан, это тоже непонятно?

– Понятно, господин, э-э... – привстал капитан на носках, пытаясь разобраться в звании Штубера.

– А если вам все понятно, господа, тогда выстраивайте свои роты, сами становитесь впереди и строевым шагом, под барабанный марш, идите на амбразуры, выбивайте русских. Делайте что хотите, но чтобы до вечера их там не было. А я посмотрю отсюда, с этой крыши, как это у вас получится.

Капитан и обер-лейтенант переглянулись и опустили глаза. Сейчас-то они, конечно, поняли, что относительно психической атаки оберштурмфюрер шутит. Тем не менее каждый из них с ужасом подумал, что этот гестаповец и впрямь может заставить их снова пойти в лобовую атаку на дот. Ведь решались же они на такие атаки уже дважды!

– Да, господа офицеры, не зря не только в штабе армии, но и в штабе группы войск обеспокоены тем: в состоянии ли вы выполнить эту заурядную тыловую задачу.

– Но ведь есть же газы, господин оберштурмфюрер, – поспешил перевести разговор в другое русло Вильке. – Одна газовая атака – и...

– ...И весь мир узнает, что мы нарушили международную конвенцию, запрещающую использование химического оружия, – вновь улыбнулся своей обаятельно-садистской улыбкой Штубер. – Кроме того, я уже побывал в одном из захваченных дотов. Там есть фильтрационные устройства, бойцы снабжены противогазами... Так что оставим фантазии, обер-лейтенант.

– Может, допросим пленного, господин э-э... – нерешительно предложил толстячок капитан на своем скверном немецком.

– А что, взят пленный из гарнизона? – удивленно уточнил Штубер, глядя на Вильке. – Почему он до сих пор не здесь?

– Его взяли румыны, господин оберштурмфюрер, – поежился тот.

– Ах, его взяли румыны? Так доставьте его сюда вместе с вашими румынами.

Пока из ближайшего блиндажа доставляли пленного, которого специально придерживали в надежде, что он обратится к гарнизону с просьбой последовать его примеру, Штубер сел в свою переоборудованную из бельгийского полицейского фургона пропагандистскую машину и приказал двум помощникам поднести громкоговорители к мертвой зоне, поближе к доту.

– Русские солдаты, – сказал он спокойно и несколько устало. – С вами говорит командир осадного отряда оберштурмфюрер СС Штубер, – он не считал необходимым скрывать свою фамилию. Откровенность должна импонировать несчастным, которых загнали в каменный мешок. – Вы храбро сражались, до конца выполнив не только приказ командования, но и свой солдатский долг. И не ваша вина, что войска вынуждены были бежать, оставив вас на произвол судьбы. – Штубер помолчал, давая русским возможность осознать истинность сказанного им. Конечно, любой другой немецкий офицер сейчас же предложил бы красноармейцам уничтожить командира и большевиков и выйти с поднятыми руками. После чего им гарантируется... Однако Штубер считал этот ход примитивным. Заставить стрелять в людей, с которыми ты только что сражался насмерть! Или поступать против воли командира... Возможно ли это в условиях дота? – Да, вы храбро выполнили свой долг, и я, как офицер, ставлю вашу храбрость и преданность в пример своим солдатам. Но вы сами понимаете, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Гарнизоны многих других дотов уже сдались. Пора и вам тоже подумать о своем спасении. Предлагаю такой план сдачи в плен. Я отведу своих солдат еще метров на триста от дота. Вы выходите с личным оружием и складываете его возле входа. После этого состоится беседа, и вас на автомашине доставляют в ближайший лагерь для военнопленных. Со временем уроженцы освобожденных нами от большевизма мест будут отпущены по домам, к своим семьям. Раненых сразу же поместим в немецкий госпиталь, где им окажут необходимую помощь. Жизнь офицеру и коммунистам также гарантируем. Я заявляю это, имея полномочия штаба группы армий «Юг» войск Великой Германии. На размышление – двадцать минут. Для уточнения условий сдачи можете выслать парламентариев.

Штубер выключил микрофон, вышел из машины и, закулив сигарету, пошел к карнизу, под которым, на нижнем ярусе склона, находился дот. Повсюду сопровождавший Штубера фельдфебель Зебольд тотчас же подал ему бинокль.

– Вы, конечно, очень хорошо обратились к ним, – плелся Вильке вслед за оберштурмфюрером. – Но уверен, что они не сдадутся. Так просто они ни за что не оставят свой дот.

– Вы пророк, обер-лейтенант, – невозмутимо заметил Штубер. – А главное, только вы один знаете, как их можно выбить оттуда. Но храните это в тайне. С какой стати?

– Вот пленный, господин э-э...

– Не экайте, капитан. Если вам трудно запомнить мое звание – оберштурмфюрер, то называйте просто: мой генерал. Вашему коллеге, обер-лейтенанту Вильке, это будет импонировать больше, чем «э-э».

Он взглянул на пленного. Узкоплечий, приземистый, лицо посеревшее, осунувшееся, все в синяках и кровоподтеках; гимнастерка разорвана, левое предплечье перевязано грязным бинтом. Лет двадцать семь – двадцать восемь. Лицо простолюдина, без каких-либо признаков интеллекта. Судя по всему – из крестьян.

– Красноармеец Рогачук, – подсказал капитан, заглядывая в подсунутую ему унтер-офицером бумажку.

– Ты из гарнизона этого дота? – спросил пленного Штубер, расстегивая кобуру.

– Нет, – замотал тот головой, пытаясь отступить на шаг назад, но натолкнулся на конвоировавшего его унтер-офицера. – Я был в прикрытии.

– А почему ты испугался? Ничего страшного, даже если бы ты был из гарнизона. Приходилось бывать в доте?

– Нет. Туда посторонних не впускали.

– Сколько там осталось солдат?

– Не знаю. Всего вроде было тридцать. Сейчас не знаю.

– Ясно. Сколько пулеметов?

– Не считал.

– Что – находясь в прикритии, не смог определить количество пулеметов?

– Да не определял я, – болезненно поморщился Рогачук. – Мне это ни к чему.

– Боишься выдать военную тайну? – поиграл желваками Штубер. Сейчас он с величайшим удовольствием разрядил бы в этого русского всю обойму. Но не время... – Ну ладно. Не стану принуждать тебя к этому. Последний вопрос, который военной тайной не является: как фамилия коменданта дота? Если ты не ответишь на этот пустяковый вопрос, я прикажу пригвоздить тебя штыком вон к тому клену.

Пленный молчал. Но за его спиной, оттеснив румынского унтер-офицера и двух солдат-конвоиров, уже стоял верзила-фельдфебель.

– Фамилия и звание офицера, который командует дотом? – повторил Штубер.

Ударом в голову фельдфебель сбил пленного с ног. Конвоиры услужливо подняли его, но фельдфебель сбил еще раз. И так повторялось трижды. Потом один из солдат полил на него из фляги, дал возможность сделать несколько глотков и, когда тот пришел в себя, поднял на ноги. Фельдфебель молча достал из ножен узкий длинный кинжал, обтер его об штанину и пошел на пленного. Тот попятился, споткнулся, но его подхватили под руки.

– Ответь, идиот, – по-дружески прошептал ему на ухо фельдфебель, схватив левой рукой за волосы, а правой приставив кинжал к глотке. – Мне уже пятерых пришлось зарезать. Он и тебя прикажет...

– Лейтенант, – еле выговорил пленный, ибо лезвие мешало ему говорить. – Кажется, Беркут. Так его называли.

– «Беркут» – это название дота. А фамилия лейтенанта? Его тоже так называли? Зебольд, уберите свой дурацкий кинжал, дайте поговорить с пленным. Так, значит, его тоже зовут Беркутом?

– Да, и младший лейтенант наш, и сержант называли его именно так.

– А фамилия?

– Ответь, – снова прохрипел на ухо Зебольд. – Он же заставит распять тебя.

– Кажется, Громов, – еле выдавил из себя пленный. – Да, я слышал: Громов. Но точно не знаю.

– Значит, лейтенант Громов, он же Беркут. Это уже кое-что. Как с тобой обращаются здесь, в плену?

Рогачук пожал плечами и с тоской посмотрел куда-то в сторону реки.

– Капитан, дайте возможность пленному помыться, накормите его, обеспечьте сигаретами и покажите фельдшеру. Завтра мы с ним еще поговорим.

Штубер посмотрел на часы. Объявленные двадцать минут давно прошли. Из дота никто не показывался. В сопровождении офицеров он спустился ниже, приказал фельдфебелю дать ему рупор... Но воспользоваться им не успел: в эту минуту оба орудия дота открыли огонь по дороге, ведущей к переправе, а пулеметчики сразу же пригнули к земле румынских солдат, высунувшихся было из окопов в предчувствии выхода гарнизона, которого ждали, словно пришествия Христа.

– Поздравляю, обер-лейтенант, – невозмутимо сказал Штубер, видя, как тот торжествующе улыбнулся. Очень уж не хотелось Вильке, чтобы Штубер оказался удачливее и хитрее его. – Этого и следовало ожидать. У вас есть радиосвязь с артиллеристами на противоположном берегу?

– Есть.

– Сколько там орудий?

– Четыре.

– От моего имени прикажите артиллеристам в течение получаса бить по амбразурам. Под их прикрытием врыйте в землю еще четыре орудия – уже на этом берегу.

– У меня их нет.

– Вон они, – показал Штубер на дорогу, ведущую вдоль берега реки. – Там, в долине, за развалинами, два орудия. Их нужно подогнать как можно ближе и поставить на прямую наводку. Кроме того, наверху ждут две танкетки. Подготовьте для них укрытия, в той стороне, где завод. Пусть бьют, сменяя друг друга. В перерывах между стрельбой и потом всю ночь держать амбразуры под ружейным огнем. Отберите в своих ротах по десять лучших стрелков. А я постараюсь заполучить для вас хотя бы одного профессионального снайпера.

– Спасибо, господин оберштурмфюрер.

– Да, вон, видите, на плато – трубы и бетонное отверстие. Это воздухонагреватели. Когда кончится обстрел, пошлите пару солдат, пусть забросают их гранатами и забьют камнями. Причем забьют так, чтобы туда не смог проползти даже муравей. Тогда русские будут дышать орудийной гарью. Это поднимет их боевой дух. И еще: через каждые два часа имитируйте пластунскую атаку. Пусть румыны, – Штубер замолчал и взглянул на стоявшего в стороне капитана, – ползком подбираются к доту, а в это время ваши стрелки будут бить по амбразурам.

2

После каждого взрыва дот вздрагивал, словно загнанный в яму-ловушку мамонт, который уже не в состоянии был ни спастись, ни ускорить свою мученическую гибель. Единственное, что ему еще удавалось, – это подавлять предсмертные стоны приступами глухой, гордой ярости: те, кто добивал его, не должны были слышать его стонов. Вот почему, когда начинались обстрелы, Громов все чаще приходил сюда, в дальний закоулок, где в углублении, уже внутри скалы, почти за пределами дота, был выдолблен небольшой колодец. Вода в нем оказалась удивительно холодной и по вкусу своему напоминала Громову воду лесного родника, который находился недалеко от его дома на Дальнем Востоке.

Возле колодца всегда стояло ведро, но, когда рядом никого не было, Андрей не пользовался им, а наклонялся и черпал кружкой. Ему казалось, что так, склонившись над колодцем, он даже улавливает источаемый им запах соснового леса. Того леса, из которого, вполне возможно, и пробилась сюда эта вода. Впрочем, пригоняла его сюда не жажда. Просто это было единственное место в доте, где, в виде небольшого подземного родничка, все еще пульсировала та естественная, завещанная Богом жизнь и где, созерцая ее пульсацию, лейтенант мог отсидеться, прийти в себя, осмыслить создавшееся положение.

Вот и сегодня, почувствовав, что от грохота, а еще от усталости и бессонницы, у него раскалывается голова, Громов подошел к колодцу, набрал в кружку воды и, вдыхая знакомый, почти пьянящий запах соснового леса, вдруг услышал... журчание ручейка. Дикость какая-то.

Прислушался внимательнее. «Галлюцинация? Не похоже. Галлюцинации – это чуть попозже, через несколько дней. Как зов с того света».

Он придвинулся поближе к стене, снова наклонился и ощутил, как из стенки колодца дохнуло на него сырым, могильным каким-то холодом. Нагнувшись еще ниже, лейтенант повернулся на бок и ощупал стенку. В двух местах пальцы его ушли в зияющую пустоту. Туда же постепенно уходила и вода.

«Только этого не хватало!» – с ужасом подумал он, поняв, что произошло. Строители дота не заметили, что от пустоты их отделяет лишь тонкая стенка камня. А сейчас, под взрывами бомб и снарядов, эта стенка дала трещину. Пока трещина захватила только верхнюю часть колодца и вода вытекает до определенного уровня. Но что будет завтра? После еще одного попадания бомбы? А без воды они больше двух суток не продержатся.

– Товарищ лейтенант, – налетел на него в проходе Степанюк. – Второй пулемет вышел из строя. Снаряд врезался в амбразуру и взорвался почти в доте. Ужицкий и Загойный убиты.

– Погибших – в спецотсек, – еле слышно проговорил Громов после тягостного молчания. – Опять потери. Почему мы так много теряем людей? Да, возьмите двух бойцов и заполните водой всю имеющуюся в доте посуду.

– Зачем? Ведь колодец...

– Очень скоро можем остаться без воды. В колодце трещина. Но говорить об этом бойцам не нужно. И еще... В доте есть «максим», которым вы нас прикрывали. Попробуйте пристроить его на турель. На нем будем работать мы с Абдулаевым. Немцы не должны догадаться, что вывели из строя пулемет.

Сержант неуклюже козырнул и трусцой побежал к пулеметной точке. Глядя ему вслед, Громов подумал: «Хорошо, что я не отправил Степанюка и его людей наверх, как предлагал Газарян. К этому времени никого из них уже не было бы в живых. А так погиб лишь Загойный». И сразу же поймал себя на том, что уже не воспринимает смерть этих двух людей так болезненно, как воспринимал гибель первых своих бойцов: Сатуляка, Рондова, Кожухаря... Что это, очерствение души? Безразличие, появившееся перед ощущением близости и неот-

вратимости своей собственной смерти? Одно из проявлений обреченности? Впрочем, как бы это ни объяснялось, бойцы не должны заметить его черствости.

Подумав это, Громов сначала зашел в отсек, где лежали убитые, в присутствии всех пулеметчиков попрощался с ними, и только потом пошел в свой командный... По привычке взялся за перископ, но почувствовал, что он не выдвигается. Странно... Разворотило трубу? Просто забило ее? Он открыл амбразуру и сразу же отпрянул: прямо перед ним вырос столб взрыва.

– Газарян! – крикнул он в телефонную трубку. – Слушай меня! Пушки на том берегу совсем обнаглели. Ударь по одному из орудий своими двумя. Подави его к чертовой матери. Потом возьмешься за другое. Не думаю, чтобы после этого немцы пригнали туда еще несколько орудий. Они нужны им на фронте.

Газарян что-то ответил ему, но расслышать его слова комендант не смог. Его заглушил взрыв гранаты. Взрыв, который прогремел уже в самом доте.

Андрей выскочил из отсека, огляделся. Снова взрыв. Где-то в районе санчасти.

– Мария! – крикнул он. – Что там, медсестра?!

– Немцы! Немцы забрасывают нас через трубы! – услышал в ответ голос Коренко. – Они угрожают всю нашу вентиляцию!

«Вот оно что! Впрочем, и это еще не самое страшное. Куда страшнее будет потом, когда они начнут забивать вентиляцию камнями».

– Держитесь подальше от труб! – посоветовал он. – Где Мария?!

– Возле Роменюка. Он бредит.

Час от часу не легче. Утром Кристич сказала ему, что у Симчука тоже плохи дела. Рана начала гноиться, нужна операция, которую сама она, тем более здесь, в доте, сделать не в состоянии. А значит, все кончится гангреней. И мучительной смертью. Однако чем он мог помочь ему? Имеет ли он право удерживать раненых в доте? Имеет ли право обрекать их на физические и духовные страдания? Но что же тогда – открыть дот и сдаться в плен? Сдать дот, в котором еще несколько суток можно вести бои, сковывая вокруг себя как минимум две роты солдат и батарею орудий? Нет, на это он не пойдет. Тогда что же делать? Может, разрешить покинуть дот только раненым и медсестре?

– Товарищ лейтенант, это я, сержант Вознюк из 119#го.

– Слушаю тебя, сержант. Как вы там? Еще держитесь?

– Да трое нас осталось. Всего трое. Один пулемет и винтовки. Что делать?

– Сражаться, сержант, – холодно, жестко ответил Громов. – Сражаться, пока есть такая возможность.

– Но ведь они взорвут дверь и ворвутся. Тут раненые говорят, что надо бы сдаться. Сколько можно мучиться?

– Много раненых?

– Одиннадцать человек, товарищ лейтенант. Шесть из них – тяжело. Что с ними делать? Страшно смотреть на их мучения.

– Да, страшно, – согласился лейтенант, думая еще и о тех раненых, за судьбу которых, за их мучения несет ответственность он сам.

– Я хотел разрешить им выйти. Вынести их. Но побоялся. А дот комбата не отвечает.

– И правильно побоялся. Устав не допускает сдачи в плен ни при каких обстоятельствах. Пока мы живы, приказ для всех один: сражаться! Еще раз поговори с бойцами. Лучше обречь себя на мучительную смерть, чем на позор плена.

– На словах оно, ясное дело... Но тут – сама жизнь...

– Именно о жизни, а не о словах я и толкую. Напомни раненым, что они солдаты. И что во все века, во всех крепостях мира раненые разделяли судьбу своих гарнизонов.

– А ведь так оно и было, – согласился сержант.

После разговора с Вознюком лейтенант сразу же попробовал дозвониться до Шелуденко, но тот действительно не отвечал.

«Может, ведут бой и просто некому поднять трубку?» – подвернулась спасительная мысль. Громову не хотелось верить, что тот Шелуденко замолчал навсегда. Уже отчаявшись услышать в трубке чей-либо голос, лейтенант покрутил ручку еще раз и... вдруг до него долетел слабый, будто идущий из глубокого колодца, голос комбата:

– Ты, Громов? Ты... Прощай, лейтенант...

– Что случилось, товарищ майор?!

– Сожгли они нас, гады. Огнеметами. В амбразуры. Всех, сволочи... Я один. Тоже... ранен... Тут у меня ящик... с гранатами. Сейчас... ворвутся, но я... С ними... Прощай, Беркут...

Андрей еще немного подержал свою трубку, но уже понял, что трубка майора упала в гнездо, а значит, больше он не услышит ни голоса комбата, ни того, что там произойдет.

Громов сел на нары и, обхватив голову руками, прижался затылком к стене. Он устал. Это уже какая-то нечеловеческая усталость, вместе с которой приходит безразличие к жизни. Он настолько устал, что в какую-то минуту вдруг сказал себе: «Поскорее бы это случилось! Нет сил. Пора кончать... Я сделал все, что было в моих силах». Но через минуту-другую все же сумел одернуть себя: «Не паникуй! Как там орал этот Штубер: “И не ваша вина, что войска бежали, бросив вас на произвол судьбы”? На психику жмет. Но ведь нас не на “произвол”, нас для борьбы оставили. В конце концов, кто-то же должен был остаться. Точно так же, как кто-то первым должен пойти на прорыв обороны противника... и погибнуть; первым ворваться в окоп – и тоже...»

– Камандыр! – закричал в трубку Газарян. – Наблюдай! Нэт адын арудий!

– Вижу, Газарян, вижу, – ответил Громов, не поднимаясь с места и не открывая глаз. – Молодец, младший сержант!

– Это тебе мой подарок, камандыр. От солнечной Армении!

– Спасибо, друг. Настоящий солдатский подарок. Береги людей.

– Но должэн тэбэ сказать, что они закапывают в землю два танка. На южный сторона, наблюдаешь?

– Ничего, значит, твоим гайдукам скучать не придется.

– Гайдуки, – сразу же пригасил свою радость младший сержант. – Правильно говоришь. Пусть будет, как хотел Крамарчук: гайдуки. Ребята привыкли. Какой был камандыр, а, какой камандыр! Но... война. Сейчас ничтожим другой арудий!

– Андрей, они забивают трубы камнями, – выросла на пороге Мария. – В отсеках становится трудно дышать.

– Так они и должны поступать. У них нет другого выхода. Чувствую, что у них появился знающий, толковый офицер, настоящий профессионал войны.

– Ты бредишь, лейтенант!

– Почему «бредишь»? Рассуждаю. Там ведь тоже офицеры. Они тоже выполняют приказы.

– Но ведь там, в отсеках...

– Я все понял. Иди к раненым. Успокой их.

– Андрей...

– Идите к раненым, санинструктор Кристич. Ваше место рядом с ними.

Как только она вышла, Громов выдвинул из-под нар ящик с лимонками, быстро распахнул несколько штук по карманам, две взял в руки и побежал к выходу.

Видно, фашисты почувствовали себя настолько уверенными, что даже мысли не допускали, что кто-то из гарнизона может вырваться наружу и выбить их с крыши. Этим Громов и воспользовался. Пригнувшись, вскочил в окоп, потом, уже в конце его, выскочил, сделал

несколько шагов в сторону и, увидев пятерых или шестерых солдат, таскающих камни, метнул в них одну за другой две лимонки, затем под пулеметным огнем залег, достал из кармана и бросил третью и только тогда спрыгнул назад, в окоп. К стонам и крикам раненых он прислушивался уже сидя под приоткрытой дверью. Что отвечать Марии, как вести себя, слушая ее донесение, – он не знал, зато сделал то единственное, что мог и обязан был сделать. Так пусть же это ему зачтется.

«Ну что ж, теперь до вечера здесь, на плато, они успокоятся», – решил Громов спустя несколько минут, поднялся, сплюнул и спокойно, словно к себе в дом, вошел в дот.

3

Лейтенант погасил свет в отсеке и, прильнув к прикладу карабина, всматривался в фиолетовый квадрат долины, открывавшийся ему с командирской амбразуры.

Помня о том, как немцам удалось сломить дот Шелуденко, он теперь установил круглосуточное дежурство у амбразур, ибо могло случиться так, что однажды, открыв заслонки, они увидят в каждой из них трубу огнемёта. И это будет последнее, что они смогут увидеть.

Неожиданно замолчал вечером и 119#й дот. Ещё час назад, когда Коренко (который сменил теперь Петруня у телефонов и стал как бы ординарцем коменданта) позвонил туда, Вознюк сообщил, что немцы пытаются взорвать входную дверь.

– Что значит «пытаются»? – подоспел к этому разговору Громов. – У вас уже некому стоять у амбразур? Отбивайте их от двери!

– Считай, некому, – прохрипел в трубку Вознюк. – Отвоевались мои казаки-казаченьки.

– Мы сейчас ударим по твоему доту. Прямой наводкой.

– Ударь. Пусть он и для фрицев станет могилой.

После этого трубку уже никто не поднимал. Хотя линия связи действовала. Неужели и там огнемёты? Да, вермахтовцы постараются использовать ту же тактику, которую использовали у дота Шелуденко. Немецкая страсть к шаблонам.

Громов посмотрел на часы. Без пятнадцати два. Бойцы отдыхали, сменяя друг друга у амбразур. Сегодня осаждавшие вели себя осмотрительнее обычного, но именно эта осмотрительность немцев показалась лейтенанту подозрительной, а недоброе предчувствие помешало закрыть заслонку и лечь.

Тем не менее, задумавшись, он слегка задремал, а очнулся от того, что услышал топот ног. Потом вдруг – длинная автоматная очередь, ещё одна, душераздирающий крик человека, которого, очевидно, ударили ножом и, словно галлюцинация... голос Крамарчука, который Громов узнал бы среди тысячи других: «Гайдуки, подъем! Открывай!»

Этот голос мог явиться ему во сне, он мог послышаться от усталости... Однако Громов ни на секунду не засомневался в том, что действительно слышит Крамарчука и, схватив с лежака автомат, пулей вылетел из отсека.

– Камандыр! Там – камандыр! – пронёсся мимо него Газарян, чуть не сбив Громова с ног. А вслед за младшим сержантом бежал ещё кто-то из бойцов. – Он вернулся!

– Откуда он взялся? – на ходу пытался выяснить лейтенант.

Уже открывая дверь, Громов слышал, как на крыше дота взорвалась граната, но все же бросился в окоп. Правда, сразу же о кого-то споткнулся, а сзади на него навалился тоже споткнувшийся Газарян... И лишь тогда, уже из этой кучи, вдруг снова возник невероятно спокойный голос обиженного Крамарчука:

– Что ж вы, христопродавцы, навалились на меня, как на родного батька, всем гарнизоном?!

И ещё им очень, просто-таки сказочно, повезло, что кто-то, выскочивший уже пятым или шестым, в последнюю секунду успел скосить появившегося на крыше фашиста. Правда, при этом шмайссер убитого скатился и больно ударил Громова по голове. Но это уже мелочи.

Потом несколько минут все они выползали из этой свалки, а те, что оставались у амбразур, прикрывая их, напропалую строчили из пулеметов и автоматов, хотя не видели вблизи ни одного фашиста. Из окопов, не понимая, что происходит, тоже начали палить по доту из всех видов оружия. Но когда прогремели первые разрывы снарядов, все пятеро уже были за спасительными стенами дота.

Только теперь Громов заметил, что Крамарчук одет в немецкий китель, а на голове каска. И с ужасом подумал, что, появившись сержант в таком одеянии перед амбразурой, он, не задумываясь, выстрелил бы в него.

Бойцы сразу же обступили Крамарчука, ожидая рассказа о его похождениях, но, как всякий опытный балагур, он не спешил: достал пачку немецких сигарет, угостил всех, кому досталось, и, выждав, пока гарнизон успокоится, сказал:

– Однако покурим, гайдуки, потом. Сейчас снова все к амбразурам. А я выползу и соберу автоматы и гранаты. Но главное: один немчура тащил на спине какую-то хре... извиняюсь, здесь женщины... Так вот тащил ее – и не дотащил.

– Где лежит этот немец? – сразу же насторожился лейтенант.

– Недалеко. Это он заорал, когда снимал его ножом.

– Это огнеметчик. Что-то вроде баллона на спине? Точно, огнеметчик. Пойдем вместе. Нужно захватить огнемет.

– Хватит, камандыр, – решительно оттеснил его в сторону Газарян. – Не нада делать все сам. У тебя есть боец, который тоже хочет показать свой храбрость. Я пойду. И ты, Канашов. Тебе, дарагой, доктор Мария давно свежий воздух приказал.

Вслед за ними пошел на вылазку и Коржевский. Желая хоть как-то пособить им, Каравайный, Абдулаев и Кравчук тоже вышли в окоп, чтобы принимать оружие и прикрывать товарищей. Появление Крамарчука сразу же привнесло в жизнь дота неожиданное оживление, породив при этом волну не то чтобы храбрости, а какого-то отчаянного азарта. Прикажи им Громов в эту минуту прорвать окружение, они, конечно же, вышли бы все как один и смяли фашистов. Вышли – и смяли. Но лейтенант не приказал. Он просто не готов был к прорыву. Да и не об этом он сейчас думал.

Нет, этой ночью им действительно везло. Как может везти только в последний раз. Тем, кто уже обречен. Вылазку Крамарчука и остальных бойцов осаждавшие своевременно не засекли, поэтому трое румын, пытавшихся выяснять, что там произошло возле дота, были расстреляны группой почти в упор. Пока остальные бойцы группы собирали автоматы и гранаты, Газарян тащил то, что сейчас больше всего интересовало Громова: баллон с карабином, то есть огнемет. Потом лейтенант несколько минут выяснял, что там к чему в этой немецкой конструкции и как пользоваться этим, вроде бы примитивным, но в то же время страшным оружием, а бойцы тем временем успели вынести на плащ-палатках и оставить среди убитых фашистов тела двух своих товарищей. Завтра, подбирая своих, немецкие санитары подберут и этих бойцов, наверное, решив, что они погибли во время перестрелки, и, конечно, похоронят. Это все, что гарнизон мог сделать для своих погибших товарищей.

– Значит, тогда, во время прорыва, ты сумел прорваться через окружение – это ясно, – сказал Громов, когда все, кроме оставшихся у амбразур Конашева и Абдулаева, собрались в красном уголке. Сам Крамарчук, скрестив ноги, сидел на полу и не спеша курил дорогую, очевидно, у офицера добытую сигарету. – Что было дальше?

– Дальше?... Если бы мы поднажали именно там, где прополз я, наверняка все и вырвались бы. Хотя, конечно, вру: не все.

– А как же те, двое, моих? – подал голос Степанюк, которому места в отсеке уже не хватило, и он стоял за проемом двери.

– Храбрые были ребята твои бойцы, сержант. Да только жаль, что нет их больше. А вот Ивановский – тот действительно спасся бы. Он ведь вслед за мной пополз. Только я замер под пулеметом, а он обошел меня и дальше... По-моему, его просто не заметили. Тогда я тоже начал карабкаться вслед за ним. Вдруг смотрю: он, отчаянная душа, к пулемету свернул. С тыла решил. Спасение – вот оно! Еще несколько метров – и вершина склона, а за ней – кустарник и лес, и дальше – все места знакомые. Но Ивановский-то не уходить собрался, а подавить пулеметное гнездо. К нему ползет. А там их двое. Ну, беру курс на пулемет, чтобы,

значит, привлечь внимание к себе. В воронку заполз – откуда до пулеметчиков можно гранатой дотянуться. Так свой же близко, мешает. Вдруг слышу: очередь из автомата. Но убил Ивановский только одного, а другой – за нож. Схватились и катятся прямо на меня. Я же – дай Бог разобраться, где свой, где чужой... И сразу за пулемет... Неужели не слышали, как я по немцам прошелся?

– Да не поняли сначала... – вставил Петрунь. – Вроде бы бьет, а кто и по кому?..

– А, то-то же. Фрицы тоже сначала не поняли. Но когда мы отползли и ударили по верхней галерке ихней – сразу всполошились. Ну, пулемет у нас ручной. Я вижу, что свадьба наша уже без музыки, поднялся, отхожу, кричу Ивановскому: «Драпай, браток!» А он метров десять отбежал и осел, хрипит. Несколько метров протащил его... Нет нашего Ивановского. От своей пули-крестницы, говорят, не уйдешь.

– Но, может, он только ранен?

– Ты что, командир, считаешь, что я смог бы оставить его раненого? Храбрый у вас политрук был. Здесь, в доте, мы его храбрости как-то не замечали. Вроде как все. А там он дал бой. – Крамарчук сделал глубокую затяжку, помолчал. – Ну, тогда я что? Я – к окопам. Но то ли заело у меня что-то в пулемете, то ли патроны кончились – ей-богу, так и не понял. Словом, отбросил эту бандуру подальше и даю драпа окопами. Они пустые, снарядами разрытые. Но вижу: от поселка – тоже немцы. Забился я в полуразрушенный блиндаж с обвалившейся крышей, залез под нары и только там докумекал, что я же совсем безоружный: автомат-то мой где-то возле пулеметного гнезда остался. Хоть повесься: ни гранаты, ни ножа... И даже камня под рукой. Ну, думаю, вытащит меня сейчас немчура за шиворот, встряхнет и начнет мной в футбол играть. Верите: лежу, потом холодным обливаюсь. Когда слышу: румын орет. А я ж тут среди молдаван жил, все понимаю. «Он здесь! – орет. – Убит!» Это он на Ивановского наткнулся. Потом уже и немцы закричали. Пулемет нашли, убитого русского нашли и, считай, успокоились. Так, для порядка, потоптались возле окопов, фонариками посветили, но, видно, решили, что только один и прорвался. Посидел я в этой норе еще с часок. И тоска взяла. Дом рядом, всего за несколько километров. Но чувствую: не пройти мне туда. Пошарил по окопам, нашел засыпанную глиной трехлинейку с тремя патронами – и в перелесок. Немцы-румыны кругом, а я – как заяц под елкой. Когда вижу: Ганс-обозник с термосом на спине марширует. Согнулся в три погибели, тяжело ему. Аж пар из него валит. Конечно, пришлось помочь вояке. А вечером, как только стемнело, в его мундире и с его автоматом присоединился к румынам. Смотрю: несколько человек сюда снарядились. Я через окопы – и за ними. Румыны сзади кричат: «Немец, стой! Куда? Там дот!..» А мне туда и нужно. Ну а дальше вы все знаете.

Крамарчук еще раз затянулся, пустил сигарету по кругу и только сейчас заметил, что все удивленно уставились на него, как на седьмое чудо света.

– Вы чего? – не понял сержант. – Что – думаете, бульки пускаю?

Бойцы молча переглянулись.

– Чего ж ты сюда вернулся, Крамарчук?! – первым нашелся Конашев.

– Как это – «чего»? Куда же мне еще возвращаться? – не понял сержант.

– Ну ведь ты уже был там, на свободе. Зачем же ты сюда?.. Господи, мне бы только вырваться отсюда...

– Так ведь я и не прорывался, – пожал плечами Крамарчук. – Мы ж как договорились, вон, с товарищем лейтенантом? Отвлекаем фашистов, прикрываем отход. И назад. А тут получилось, что вроде бы я обманул и дал драпа. Целый день на душе муторно было. Представлял себе, как вы тут меня чехвостите. А я что? Если бы уходить хотел, я бы так и сказал...

«Узнают ли когда-нибудь историки войны, – подумал Громов, слушая Крамарчука, – Украина, вся страна или хотя бы этот небольшой городок, под стенами которого мы умираем, о том, какие человеческие драмы здесь разыгрывались, какое мужество и какую преданность

проявляли эти ребята – Крамарчук, Коренко, Газарян, Ивановский? Неужели все, что мы здесь пережили и что нам еще предстоит пережить, так и останется для потомков мрачной тайной этого подземелья? Это было бы несправедливо. Слишком несправедливо...»

Утром на позициях немцев южнее дота вдруг начали рваться снаряды. Они падали нечасто, хаотично, но стрелявшие клали их именно в ту просматриваемую с «Беркута» долину, в которой фашисты накапливались и в которой уже были готовы к стрельбе два танка.

– Крамарчук! – приказал по телефону Громов. – Немедленно поддержи из обоих орудий. Это ожил 121#й дот. Степанюк, причесывай пулеметами всех, кто высовывается из окопов.

А сам вызвал по телефону «Сокола». Трубку поднял Родован.

– Наблюдаю работу твоих пушкарей, лейтенант. Возьми чуток ниже, поближе к реке. Мы поможем.

– Нет уже моих пушкарей, Беркут.

– Как нет? А стрельба?

– Я сам стреляю. Телефон переключил сюда, на артотсек. Только что погибли санинструктор и двое моих последних бойцов.

– И даже санинструктор? – невольно вырвалось у Громова.

– Последнюю атаку она отбивала, стоя у амбразуры. Мужественная была женщина. В городе осталось двое ее детей. – Они оба помолчали. – У меня здесь вблизи цели для орудия нет. Так что пока видишь разрывы моих снарядов – лейтенант Родован жив. Последняя гастроль, Беркут, последняя гастроль...

– Держись, лейтенант, держись.

– Извини, некогда... Гости с того берега.

Орудие «Сокола» замолчало через полчаса. Минут десять Громов пытался дозвониться до Родована, но безуспешно. Потом вдруг орудие ожило еще раз. Снаряд лег почти возле дота. Очевидно, лейтенант послал его, уже будучи тяжело раненным. Это был его прощальный выстрел. Прощальный салют своему погибшему гарнизону.

4

Когда утром Штубер подъехал на своей, как он называл ее, фюрер-пропаганд-машинен к доту, пленный Рогачук уже стоял там, в окружении румынского капитана, немецкого оберлейтенанта и двух немцев-конвоиров. Приказ оберштурмфюрера был выполнен в точности: пленный побрит, гимнастерка постирана, правый рукав оттопыривался, скрывая бинты, которые – Штубер в этом не сомневался – были свежайшими.

– Пленного – к машине, – бросил оберштурмфюрер, приказав фельдфебелю Зебольду включить магнитофон.

Рогачук подошел и остановился в двух шагах от дверцы, но Штубер велел ему подойти еще ближе.

– Военнопленный, для того, чтобы поместить вас в лагерь, где вас будут содержать со всем надлежащим для подобных лагерей обеспечением, нам нужно выполнить небольшую формальность. Вы обязаны ответить мне, как представителю немецкого командования, на несколько вопросов. Ваша фамилия, имя, отчество?

– Рогачук Степан Петрович.

– Воинское звание?

– Красноармеец, – неохотно отвечал пленный.

– Вы сдались в плен добровольно?

– Раненым взяли. Раненым. Я не сдавался.

– Почему вы так заволновались? Мы не собираемся выдавать вас русскому командованию, которое могло бы предать вас суду. Даже если бы вы оказались перебежчиком.

– Но я не перебежчик. Я не сдавался, – с тупым упрямством твердил пленный, слегка раздражая Штубера.

– Как с вами обращались теперь, здесь, в плену? – сделал ударение на слове «теперь».

– Ну, вчера хорошо.

– Вы ранены, поэтому вам оказали медицинскую помощь: перевязали, сделали укол и, конечно же, накормили?

– Да... вроде.

– Жаль только, что нечего курить? Могу предложить сигарету. Что вы говорите, оберлейтенант? Солдаты угощали его? Немецкие солдаты действительно поделились с вами сигаретами, военнопленный Рогачук? У вас целых две пачки?

– Да. Только я у них не просил. – Он вынул из карманов обе пачки и бросил на землю перед автомашиной. Но те, кто будет слушать запись допроса, этого не увидят.

– Отказавшись сдаваться в плен, сражаясь в окружении, вы совершили тяжелое преступление против армии фюрера. На вашей совести много погубленных жизней, много сирот среди детей немецких солдат, которые пришли сюда с единственной целью: очистить вашу землю от коммунистической чумы. Однако немецкое командование гуманно. Вам будет сохранена жизнь. Вы будете помещены в лагерь для военнопленных, организованный прямо здесь, недалеко от Подольска. Да, кстати, вы местный? В каком селе проживает ваша семья?

– В Грушевом.

– Очевидно, это недалеко отсюда?

– Недалеко.

– В таком случае вам повезло. Вы дадите точный адрес, и комендатура лагеря сможет сообщить о вас родным. А те, в свою очередь, смогут повидать вас. Через три месяца, если вы будете хорошо работать в лагере и не будете нарушать дисциплину, вас освободят и отправят домой.

– Уж вы отправите!.. Это точно.

– Речь идет не только о вас. Так поступают со всеми, кто ведет себя благоразумно.

В тот день, в перерывах между жесточайшими обстрелами дота, Штубер четырежды пропускал эту запись через громкоговорители, призывая гарнизон «Беркута» прекратить бессмысленное сопротивление и разделить божескую участь своего товарища.

– Мужественные защитники дота, – завершил он четвертый сеанс агитации, сидя в своей фюрер-пропаганд-машинен, – вам предоставляется последняя возможность почетно сдаться в плен. Немецкое командование гарантирует вам жизнь. Если через два часа вы не поднимете белый флаг, все вы будете уничтожены, а ваши семьи и ближайшие родственники казнены через повешение. Пусть примером для вас служит мудрость красноармейца Рогачука, не пожелавшего умирать за бредовые идеи большевиков. Можете завидовать: он спокойно дождется конца войны в обнимку со своей Марусей.

Когда прозвучали эти слова, Рогачук, поняв, для чего немцам нужно было подсовывать ему сигареты и стирать гимнастерку (его уже предупредили, что он еще должен будет подойти прямо к амбразурам дота и попытаться уговорить гарнизон сдаться), сбил с ног конвоира, выхватил винтовку и...

Выстрелить он не успел. Хладнокровный выстрел Штубера, прямо в лицо, прогремел на секунду раньше.

Но о том, что произошло тогда возле фюрер-пропаганд-машинен, в доте уже никогда не узнают.

5

Громов отпустил ручки «максима» и почувствовал, что затерпшие, почти онемевшие пальцы не хотят разгибаться, а в руках все еще пульсирует лихорадочная дробь пулемета.

– Все, Коренко, на этот раз мы их тоже умыли, – он повернулся на спину и лег на покрытый шинелью дощатый лежак. – Немного отдохнем, потом поднесем патроны... Обычная фронтовая работа.

Сегодня фашисты вели себя как ошалелые. Они пригнали сюда еще целую роту румын, и теперь атака следовала за атакой, а в перерывах между ними, сверху, с крыши, их забрасывали гранатами. Очевидно, кому-то из высокого немецкого командования понадобилось во что бы то ни стало сегодня же оседлать амбразуры и, окончательно блокировав дот, сделать его существование бесполезным. Никакими иными причинами эту их ошалелость объяснить было невозможно.

Да, тактика противника изменилась. Громов понял это еще утром и теперь все больше убеждался, что фашисты не жалеют ни снарядов, ни людей.

– Отдохните, товарищ лейтенант. Вы устали больше, чем я. Тем временем притащу колодки с лентами. Вдруг опять нахлынут.

Громов молча кивнул. Дважды отказавшись уйти из дота вместе с ранеными, Коренко теперь всячески старался быть полезным. Он помогал Громову у пулемета, становился с винтовкой к амбразурам, постоянно помогал Марии ухаживать за ранеными и даже варил для них на примусах консервные супы, заменив при этом убитого Зоренчука. И хотя ничего героического этот парень вроде бы и не совершал, будь его, Громова, воля, он присвоил бы ему звание Героя Советского Союза как истинному, беспредельно преданному присяге солдату.

– Глотни, лейтенант, – появился в отсеке с флягой в руке Крамарчук. – Трофейный шнапс, вчера раздобыл.

Громов сделал пару глотков и, отдав флягу сержанту, закрыл глаза, пытаясь хоть немного подремать.

– Это за Конашева. А теперь отпей и за второго моего пушкаря, – присел Крамарчук напротив него на каменную плиту, служившую пулеметчикам и столом, и лавкой.

– Ты о чем?

– Нет больше первого орудия, лейтенант. Конашев убит. Коржевский тяжело ранен в голову. И, видно, тоже не жилец на этом свете.

– Как это произошло? – почти шепотом спросил Громов, чувствуя, что ему перехватило горло.

– Танк проклятый. Пока Газарян додалбывал одного, другой пристреливался по нему. Хорошо хоть сам Газарян уцелел.

Еще несколько минут Громов лежал с закрытыми глазами, и Крамарчуку показалось, что лейтенант уснул. Но как только сержант поднялся, чтобы тихонько уйти, Андрей тоже начал подниматься.

Амбразура первого капонира была закрыта заслонкой. Тусклая, опоясанная металлической сеткой, лампочка едва освещала отсек, и казалось, что все это происходит глубокой ночью в погребальном склепе. Дав лейтенанту взглянуть на убитого, бойцы унесли его в санитарный отсек, а Мария и Коренко продолжали бинтовать голову Коржевского. По тому, как бинт у него на глазах пропитывается кровью, лейтенант понял, что жить Коржевскому оставалось несколько минут, от силы час. Мария и Коренко тоже, очевидно, понимали это, однако продолжали старательно перевязывать.

– Что будем делать с ранеными, товарищ лейтенант? – тихо спросила Кристич, когда Андрей присел возле нее. Все бойцы ушли из отсека, Мария попросила их об этом, чтобы дать раненому больше воздуха, и перевязку заканчивала уже сама.

Громов погладил ее щеку, убрал упавшие на глаза локоны волос. Ему показалось, что в них уже блеснула седина, но не захотел поверить этому.

– Что будем делать с ними? – снова спросила она, мягко положив с помощью Андрея голову раненого на разостланную шинель. – Роменюк в очень тяжелом состоянии. У Симчука рана гниет, нужна операция. Пирожнюка – его ранили сегодня утром – еще можно спасти. Только нужен уход. А сейчас вот Коржевский... Раненым не хватает воздуха. Прежде всего – воздуха.

– В перерывах между боями будем заносить их в пулеметные отсеки.

– Там тоже удушье. Много пороховой гари. Нужно что-то делать, Андрей, – уже почти прошептала она, обняв Громова за голову и прижимаясь лбом к его лбу.

– Нужно делать именно то, что мы делаем, Мария. Отражать атаки, уничтожать противника и держаться.

– Но ведь они же мучаются.

– Такова их солдатская судьба.

– Я тоже измучилась, Андрей.

– Вижу, милая, вижу. И видеть это – тоже... очень больно.

Громову хотелось напомнить Марии, что он давал ей шанс избежать страшной участи, но решил, что делать это сейчас – бессмысленно и жестоко. К тому же он просто не представлял себе, что бы они здесь делали с ранеными, не будь с ними Кристич. В доте неплохая аптека: шприцы, обезболивающие, снотворные, антисептические средства... Осмотрев ее впервые, Громов даже поразился, что о них так основательно позаботились. Но разобраться во всем этом мог только медик. Не зря Шелуденко строго запрещал отпускать санинструкторов.

– Кстати, умоляю: если меня ранят, если я буду без сознания... словом, в любом случае я не должен попасть в плен. Я покажу тебе, как пользоваться пистолетом....

– Что ты, Андрей, что ты?!

– Бойцы могут побояться добить командира. А я не должен попасть в плен, не имею права. Ты поняла меня?

– Не нужно об этом, Андрей. Как ты можешь приказывать мне такое? Нет, на такое я не способна.

– Ты сделаешь то, что я приказываю.

Громов помог бойцам отнести раненого в санчасть и вернулся в артиллерийскую точку. Все ожидающе посмотрели на него. Чувствовалось, что они подавлены случившимся и что каждый сейчас думал об одном и том же: «А ведь следующее попадание может оказаться моим»...

Лейтенант молча достал из ящика снаряд, заслал в казенник и, наведя по висевшим на стене данным для стрельбы на понтонную переправу, дернул за шнур.

– Петрунь, снаряд!

– Есть снаряд.

Он на глазок повернул так, чтобы снаряд ушел на дорогу возле моста, и снова выстрелил.

– Разрешите, товарищ лейтенант, – опомнился наконец Крамарчук. – У нас это будет получаться нежнее.

– Да, сержант, к орудию. Огонь по переправе. Держать под контролем шоссе. Бить по окопам, по любой цели. У нас еще уйма снарядов. Дот должен держать фашистов в посто-

янном страхе. Мы здесь не для того, чтобы скулить, а чтобы заставлять врага бросать на дот все новые и новые силы.

6

– Какой день сражается гарнизон этого дота, обер-лейтенант?

– В полном окружении – шестой.

– В таком случае ценю ваше олимпийское спокойствие. На вашем месте я бы слегка нервничал. В городе уже появились листовки: «Беритесь за оружие! Бейте оккупантов! Пусть вас вдохновляет пример бойцов бессмертного дота». Вас это не смущает?

– Господин оберштурмфюрер, в моей роте осталось двадцать человек. Двадцать, понимаете?!

– Но вас укрепили еще одним взводом и ротой румын. Кроме того, танки, полевые орудия, пулеметы...

– Атаки в лоб ничего не дают, господин оберштурмфюрер. Мы только губим людей.

– Вы меня растрогали, обер-лейтенант. Прикажете таким же образом растрогать командира вашей дивизии?

Ясное дело, Штубер понимал, что этих бездумных атак нужно было избегать. В конце концов русские никуда не денутся. Их ресурсы ограничены. Но существовал приказ: атаковать, захватить, казнить всех оставшихся в живых... И отменить этот приказ он не мог. Кто-то там, из командования, все еще не хотел понять, что они столкнулись с необычным дотом. Впрочем, остальные тоже были необычными. Однако их сопротивление удалось сломать довольно быстро. В устах командования это был сильный, убийственный аргумент.

«Вот именно: убийственный, – саркастически ухмыльнулся Штубер этому определению. – В чем нетрудно убедиться, выслушав доклад обер-лейтенанта».

Штубер не верил в то, что в «Беркуте» особо подобранный гарнизон. Просто речь должна идти о талантливой организации обороны. О том, что комендант дота умеет поддерживать дисциплину, да и сам, наверно, храбрый человек. Как все-таки много зависит от офицера!

– Привезли женщину, господин оберштурмфюрер.

– Да, вижу, – ответил тот, неотрывно глядя на склон долины, в который врос этот проклятый дот. – Ну, ведите ее. Где этот ваш унтер-полиглот? Пусть идет вслед за ней и выкрикивает все, что ему велено сказать.

Проходя мимо Штубера, женщина затравленно посмотрела на него и вдруг замерла от удивления. Она, конечно, узнала его. Штубер лишь указал дом, но с самой женой Крамарчука, Оляной, не беседовал. И все же Оляна сразу признала в нем того «красного командира», которого кормила, которому давала приют и с которым...

Вспомнив об их невольном грехе, Оляна вздрогнула: «Господи, за что ж Ты так караешь меня?!» – прошептала она.

И все же Оляна ожидала, что Штубер заговорит с ней, объяснит, что происходит, кто он такой. Однако оберштурмфюрер лишь смерил ее холодным, презрительным взглядом и брезгливо махнул рукой. Еще позавчера он верил, что этот пропагандистский трюк с женой артиллерийского сержанта, возможно – заместителя коменданта, повлияет на моральное состояние гарнизона. Но сейчас он уже не сомневался в том, что ни к сдаче дота, ни к чему бы то ни было конкретному это не приведет.

Тем не менее отменять задуманный им «акт устрашения» Штубер не собирался. Конечно, куда эффективнее было бы вывести сюда семьи всех солдат гарнизона. И расстрелять. Но женщина твердо стоит на своем: никого из красноармейцев, сражающихся в доте, она не знает. Ее избивали, обещали жизнь... Бесполезно.

– Зольдатен гарнизона! Эта женщина есть жена зержанта вашей дот – Крамарчук. Зержант не хотел сдаваться в плен, он совершал преступления перед армией фюрер. Ми винуж-

ден будем казнить ее через повешаний, – Штубер видел, как, выкрикивая все это в рупор, унтер-офицер прятался за спину женщины, однако не считал его трусом. Знал, что русские действительно попытаются убить унтер-офицера. – Ми также будем казнить всех родственников, всех жен зольдатен ваш дот. Сдавайтесь, и ви спасете себя и свой родственник. Если вы, Крамарчук, сейчас не сдадитесь, немецкий зольдатен будет маленько баловался с ваш жена и потом ее повешаль.

Штубер поморщился и брезгливо передернул плечами. Этого «маленько баловался» в его тексте не было. Находка самого унтер-офицера. Или обер-лейтенанта. Но, кто знает, может, именно она по-настоящему ударит по психике и Крамарчука, и других.

Красноречие унтер-офицера иссякло. Казалось, вся эта огромная долина замерла в ожидании развязки той страшной трагедии, что разыгрывалась на склоне ее «амфитеатра».

– Ахтунг, ахтунг! – послышалось из дота. Штубер тотчас же бросился в окоп и, пригибаясь, побежал вниз, поближе к тому месту, где стояли унтер-офицер и женщина. – Говорит комендант дота! Сержант Крамарчук не может сдаться. Он погиб и не может спасти свою жену! – В бинокль Штубер видел только кончик рупора. Лейтенант предусмотрительно прятался за косяк двери. – Если вам, господа офицеры, дорога честь воинского мундира, прекратите этот гнусный спектакль и освободите ни в чем не повинную женщину! То, что вы делаете, есть грубейшее нарушение Женевской конвенции об обращении с мирным населением на оккупированной территории!

Комендант говорил на вполне приличном немецком, с легким акцентом, который можно было принять за польский или словацкий. Но главное – Штубер узнал этот голос. Он узнал бы его из тысячи других похожих голосов. Потому что голос этот принадлежал тому лейтенанту, который пленил его и допрашивал у моста. Конечно, это был Беркут, он же Громов.

– Унтер-офицер! – крикнул Штубер. – Вернитесь с женщиной в окоп.

– Прикажете прекратить? – со вздохом облегчения поинтересовался обер-лейтенант, глядя, как унтер-офицер тащит плачущую и вырывающуюся из его рук женщину. Судя по всему, он еще не привык к подобным методам психологического воздействия.

– Следовало бы. Но уже нельзя. Русские не должны думать, что они нас усовестили. Дайте им час на размышление. И еще... Передайте этому мини-Антонеску, капитану, что я запрещаю переводить румынским солдатам смысл сказанного комендантом дота. Дайте мне эту железку. По доту не стрелять! – крикнул он, когда унтер-офицер подал ему рупор. И румынский капитан сразу же повторил это по-румынски. – Господин комендант! Я гарантирую вам неприкосновенность! Выйдите из дота, и мы проведем переговоры!

– Цель переговоров?! Выдача погибшего сержанта Крамарчука?!

– Вам пора сдаваться!

– Я не собираюсь вступать в переговоры о сдаче дота! Гарнизон будет сражаться до последней возможности!

– Похвально, господин лейтенант! Тогда дайте слово офицера, что гарантируете мою неприкосновенность, и я войду в «Беркут», чтобы поговорить с вами! Это не будут переговоры! Это будет обычный человеческий разговор! Без излишней пропаганды!

Наступила пауза. Предложение, очевидно, застало коменданта врасплох, поэтому-то он и не торопился с ответом. И, возможно, советовался с бойцами гарнизона.

– Обычный человеческий разговор, оберштурмфюрер, возможен был только месяц назад, до войны. А сейчас это в любом случае будут переговоры офицеров двух враждующих армий!

– Почему вас это пугает, господин лейтенант?! Вести переговоры все же гуманнее, чем стрелять друг в друга.

– Гарнизон решил сражаться до последней возможности, и пока будет жив хотя бы один боец, вы в этот дот не войдете. Надеемся, что женщина будет освобождена! У меня – все.

«Ну что ж, по крайней мере, в порядочности этому лейтенанту не откажешь. Другой бы впустил меня и превратил в заложника. Или отдал на растерзание гарнизонных фанатиков-большевиков. Он на это не пошел. Благородно».

7

Когда время ультиматума истекло, гитлеровцы снова вытолкали из окопа жену Крамарчука. Теперь она еле держалась на ногах, платье было изорвано в лохмотья, волосы растрепаны. Два прятавшихся за ее спиной фашиста подталкивали ее все ближе и ближе к доте. По тому, что они выкрикивали и как вели себя, Громов определил: пьяны!

– Рус комиссар! – это был все тот же унтер-офицер, только шнапс сделал его русский язык еще более «изысканным». – Ты не выходил! Здавался! Твой фрау будет сейчас повешаль! Все родственник будет повешаль на береза!

Все, кто был в доте, забыв об опасности, сгрудились у амбразур. Бойцы не открывали огонь сами, считая, что и немцы, получив приказ офицера огня не открывать, будут придерживаться этих условий. И когда неожиданно прозвучал одинокий винтовочный выстрел, в пулеметном доте как-то не сразу обратили на него внимание. Но долетевший из амбразур артиллерийской точки крик Крамарчука: «Снайпер! От амбразур! Хомутов убит! Снайпер!» – дал понять Громову, для чего понадобился фашистам этот повторный спектакль.

– Убейте меня, слышите?! – долетел вслед за этим слабый голос женщины. – Убейте меня!

– От амбразур! – повторил лейтенант, но на какое-то мгновение раньше прозвучал второй выстрел. И снова крик: «Сволочи! Чобану!»

– Убейте же меня! – снова закричала женщина, поняв, что происходит. – Николай, родненький! Убейте же!

– Абдулаев! Снять снайпера! – приказал лейтенант. – Снять его! Всем отойти от амбразур!

– Так нельзя, командир, – ворвался в отсек Крамарчук. – Так дальше нельзя. Сейчас, Оляна! Сейчас, потерпи!

И, оттолкнув Громова, припал к пулемету.

Очередь, еще очередь, крики, стоны, пальба в ответ... С силой оторвав Крамарчука от «максима», Громов подался ближе к амбразуре и увидел, что женщина лежит навзничь, рядом с ней, держась за грудь, осел один из фашистов. Другой пытался уползти, но возле самого окопа рванулся, словно хотел проскочить оставшееся расстояние, и сразу же рухнул на землю.

– А теперь пристрели меня, лейтенант, – тихо сказал Крамарчук, когда пальба снова стихла. Он сидел на полу возле пулемета и, обхватив руками колени, раскачивался из стороны в сторону, словно напевал тоскливую песню или самозабвенно молился. – Ну, пристрели ты меня! Пристрели! Как собаку! Сейчас же!

Громов присел возле него, обнял за плечи. Что он мог сказать этому отчаявшемуся человеку? Храброму, мужественному человеку, которого никто не осмелился бы упрекнуть ни в слабости, ни тем более в жестокости. С таким человеком он мог теперь только помолчать.

– У тебя не было другого выхода, – сказал он то единственное, что способен был сказать сейчас этому бойцу. – На твоём месте я, наверно, поступил бы точно так же. И потом точно так же просил бы пристрелить. Время рассудит. – Крамарчук почему-то снова взялся за ручки пулемета, но Громов с силой оторвал его руки. – Наберись мужества. Опомнись. Нельзя так. Нужно идти к оружию. К оружию, сержант. Бойцы ждут приказа.

Громов поднялся, уже с порога оглянувшись. Крамарчук сидел, обхватив колени, и тупо смотрел в пол. Слова, которые он шептал, были одновременно и молитвой, и проклятием.

– Гранишин, – позвал ефрейтора. И когда тот появился из своего отсека, негромко проговорил: – Побудь с Крамарчуком. Ни на шаг. Понял?

Когда Андрей вошел в отсек второго орудия, Степанюк стоял над Хомутовым на коленях, застегивая его гимнастерку и, не скрывая слез, плакал, почти по-детски всхлипывая.

– Последний боец моей роты, товарищ лейтенант, – тихо, сквозь слезы объяснил он, держа в руках красноармейскую книжку и еще какие-то бумаги, найденные во внутреннем кармане Хомутова. – А ведь три недели назад было нас сто двадцать человек. Сто двадцать молодых ребят, а, лейтенант?..

– Поднимитесь, сержант! – неожиданно резко приказал Громов. Хотя чувствовал острую необходимость опуститься на колени рядом с ним. Не хотел бы он дожить до того момента, когда придется вот так же, на коленях, стоять над последним бойцом своего гарнизона. Лучше уж пусть кто-нибудь постоит над ним. – Возьмите себя в руки. На вас смотрят бойцы. – И твердым, не допускающим промедления голосом приказал: – Лободинский, Кравчук, отнесите погибшего в спецотсек. Каравайный, пойдете вторым номером к сержанту Степанюку. Абдулаев – вторым номером к Гранишину, вместо погибшего Чобану. Только сначала снимите снайпера, Абдулаев, снайпера...

– Вот он, камандыр, – прижавшись плечом к откосу амбразуры, Абдулаев осматривал изрытый воронками, засеянный валунами и осколками камней склон долины. – Смотрю, нет ли другой.

– Где? – подошел к нему Громов, берясь за бинокль.

– Вон, яма небольшой. За валун прятался. Халат совсем желтый был, как глина измазанный. Когда наш пулемет женщина стрелял, он чуть-чуть приподнялся, посмотрел, откуда стрелял, зачем стрелял.

– С первого выстрела, что ли? – не поверил Громов.

– Почему удивляешься, камандыр? Абдулаев – охотник. Разреши ночью туда ходить. Там ружье с биноклем. На солнце блеснул. Абдулаев видел. С такой Абдулаев фашиста на том берегу бить будет. Как соболев.

Громов внимательно осмотрел воронку, убитого. Но винтовки не видел. Потом незаметно перевел бинокль на женщину и двух убитых немцев, которых пока никто не пытался затащить в окоп. Видно, смерть снайпера подействовала на них.

– Держи их в страхе, Абдулаев. Чтобы ни один патрон зря. Иди к пулеметчикам. Оттуда ближе к воронке. Никого не подпускай к снайперу. Но если попытаются затащить в окоп тело женщины, не стреляй.

– Андрей! Товарищ лейтенант, – вошла в отсек Мария. – Коржевский скончался. Только что. Я ничего не могла сделать. И Роменюку очень плохо.

– Я понял, Мария, – устало кивнул Громов. – Попроси Лободинского и Кравчука унести умершего от раненых. Ничего не поделаешь, над этим подземельем смерть витает уже давно. Сержант Крамарчук, к орудью! – приказал он, увидев в ходе сообщения сержанта. – Огонь по боевым порядкам врага, шоссе и переправе. Не давайте фашистам восстанавливать мост.

Поздно вечером бойцам Крамарчука удалось выиграть дуэль с танком. Когда эта стальная машина, пылая, вышла из укрытия и попятилась в сторону завода, в доте все, кроме Крамарчука, ликовали так, словно вернулись свои и пришло долгожданное освобождение из каменного плена. Но даже в этой суе Крамарчук сумел со второго снаряда добить ее, уже пятившуюся. Каждый снаряд, посланный сейчас во врага, Крамарчук воспринимал как личную месть фашистам. Он был мрачным и, казалось, успел за эти несколько часов основательно постареть. Но все же не хандрил, не впадал в истерику, а сражался. В той ситуации, в которой оказался сейчас гарнизон, это было очень важно. И лейтенант был признателен ему за мужество.

«Ну что ж, – облегченно подумал Громов, поздравляя бойцов с этой небольшой победой. – Смерть витает не только над дотом. Она витает и над окружившими нас врагами».

8

– О, поручик Розданов! Честь имею. Не знаю, как вам шла форма белогвардейца, но в форме лейтенанта вермахта вы вполне смотрите. – Встретив Розданова во дворе здания, в котором находятся гестапо и абвер, Штубер не удивился. – Он понимал, что каждая из этих организаций имела свои причины для того, чтобы интересоваться особой поручика. Уточнять же, в какую именно он направляет свои стопы сегодня, – не имело смысла.

– Я бы предпочитал смотреться в форме офицера... ну, допустим, русской освободительной армии. Это больше соответствовало бы моим патриотическим чувствам.

– Чего вы не можете простить немцам, Розданов? – загадочно улыбнулся Штубер. – Первой империалистической, похода нашего экспедиционного корпуса во время вашей Гражданской, когда вы сами умоляли кайзера спасти вас от большевиков? Нынешней кампании, благодаря которой снова оказались у себя на родине?

– Я всего лишь сказал, что шинель русского офицера для меня предпочтительнее.

– Ну уж со мной-то вы можете быть абсолютно откровенны, поручик. Независимо от того, чем кончится эта война и кем будут считать вас потомки – героем или... – все еще ухмыляясь, Штубер выдержал классическую паузу и снисходительно, с ног до головы осмотрел Розданова, – немецким предателем, агентом гестапо. Знаете, всякое может случиться. Но все равно мы с вами до конца дней своих останемся братьями по оружию. Пройти такой путь по тылам красных!.. Так что, откровенничая со мной, исходите из этого обстоятельства.

Впрочем, Розданов и не опасался Штубера. И по тому, как тот вел себя во время их рейда через Днестр, и по тому, как потом спокойно, не теряя чувства превосходства, прорывался к своим, поручик определил: оберштурмфюрер – птица более высокого полета, чем тысячи других шпииков абвера и агентов СД, готовых донести на каждого, кто осмелится высказать хоть малейшее сомнение в гениальности идей фюрера.

– Но мы не можем существовать сами по себе, – заметил Розданов.

– Почему не можем? Очень даже можем. Не вдвоем, естественно. Подобрал группу профессионалов международного класса, создав хорошую разведывательно-диверсионную школу. А война, с ее окопами, полевыми госпиталями и лагерями для военнопленных, пусть катится своей страшносудной колеей.

Розданов удивленно посмотрел на Штубера, он плохо понимал, о чем это вдруг повел речь оберштурмфюрер. О какой такой группе профессионалов?

Во двор въехала крытая машина, и два эсэсовца буквально вышвырнули из ее кузова человека в изодранной гражданской одежде. Босые ноги, искалеченные руки, лицо, шея... – все было покрыто комьями запекшейся крови.

Вышедший из кабины тип в форме русского железнодорожника самодовольно ухмылялся, глядя на офицеров с видом победителя, вернувшегося с Ватерлоо местного значения.

– Не хотите попристутствовать, господа? Превращение великомученика-комиссара в иуду. Ровно через полчаса он начнет источать список всего городского подполья.

– Ты плохо кончишь, Звонарь, – презрительно оскалился Штубер. – Этот человек имеет еще меньшее отношение к подполью, чем я – к сицилийской мафии.

– Заблуждаетесь, оберштурмфюрер. Знать русский язык, язык аборигенов, – перешел Звонарь на русский, – еще не значит – знать их нутро. Пшел, пшел, мразь лапотная!

– Не имеете чести? – кивнул в сторону этого типа Штубер, когда тот пошел к двери.

– При чем здесь честь?

– Бывший ротмистр Полонский. Кличка Звонарь. Офицер врангелевской контрразведки. Начал работать на нас, как русский белоэмигрант, еще в Болгарии, сразу же после бегства из Крыма. Помог отправить на тот свет добрый десяток бывших белоофицеров,

которые, как оказалось, не с должным энтузиазмом восприняли приход к власти Гитлера. С удивительной наивностью доверяются ему люди.

– Мы с вами – не чище этого провинциального мерзавца Звоняря.

– Мы с вами – фронтовики. Это меняет дело. У этого человека есть определенные способности. Но это еще не талант контрразведчика. Обычный платный агент полиции – и не более. Дальше подсадной утки он никогда не поднимется. Даже здесь, на своей родине. Но, что самое странное, его это вполне устраивает.

– Насколько я понял, он никогда и не был фронтовым офицером. В армии Врангеля офицерами становились даже недоучившиеся гимназисты. Потому что к тому времени многие настоящие офицеры уже или погибли, или ждали своего часа по явочным квартирам захваченных большевиками городов.

– А некоторые к тому времени уже ударно трудились разносчиками булочек в парижских пригородах. Бог с ними, у каждого своя дорога через Синайскую пустыню. Кстати, о пустыне... Мне стало известно, что вы командуете охранным взводом.

– У Звоняря нет оснований завидовать мне.

– Напрасно вы так. Очистка ближайших тылов. Стычки с окруженцами. Истребление диверсантов. Рыцарская романтика войны, – философствовал Штубер, выводя Розданова за ворота. У него оставалось совсем мало времени, а в СД, считал он, поручика подождут. – Или, может быть, я уже чего-то не понимаю в том, что здесь происходит, ваше благородие?

Розданову не нравилась издевательская манера беседы, которую уже не впервые навязывал ему Штубер. Он предпочитал бы, чтобы с ним говорили, как подобает говорить с офицером. Однако понимал, что с такой манерой оберштурмфюрера ему пока что придется мириться. В той судьбодробилке, в которую превратилась сейчас Германская империя, заступничество влиятельного эсэсовца, сына генерала Штубера, ему еще может пригодиться. Притом не раз. Тем не менее он ответил ему в том же духе.

– Похоже, в этом уже никто ни черта не может понять. По крайней мере те, кто пытается понять саму сущность войны и философствовать о ней, сидя на окраине этого, извините за выражение, Подольска, оплота провинциальных мерзавцев.

– Согласен, – совершенно невозмутимо согласился Штубер. – Оплот. Кстати, среди тех, кого вашему взводу приходилось доставлять в лагеря или подвалы гестапо и полиции, не попадались какие-либо интересные типы? Вы знаете, что меня интересует.

Розданов задумался. Первым, кого он вспомнил, был кавалерист Есаулов, рассказавший казак. Вслед за ним воспроизвелась в воображении громадная, источающая могучую силу фигура семинариста.

– А вы знаете, есть. Двое. По крайней мере один из них заинтересует вас основательно. Я ведь знаю, что вас интересуют не только те, кто поддается вербовке, но и люди, выделяющиеся своими характерами, взглядами и способом жизни.

– Они в Сауличском лагере?

– Да.

– Что за люди?

Розданов коротко обрисовал обоих пленных.

– Вы распорядились, чтобы их не пускали в расход?

– Нет, просто сдал.

– В машину, поручик.

– Но, господин оберштурмфюрер, я был вызван...

– В СД, гестапо? Это не имеет значения. Те, кто вас ждет, будут уведомлены из комендатуры лагеря.

Найти в лагере Есаулова и Гордаша оказалось довольно просто. Оба они в составе группы из шести человек попытались совершить побег. Лагерь был еще довольно плохо оборудован, и ночью этой группе удалось проникнуть за пределы ограды. Однако ровно через полчаса на окраине деревни они были замечены ночным полицейским патрулем. Одного полицаи убили, остальных под плотным огнем заставили залечь в небольшом овражке, в заброшенном саду. Там они и были схвачены подоспевшим взводом лагерной охраны.

Выслушав из уст коменданта этот рапорт-рассказ, Штубер попросил выделить ему кабинет и немедленно доставить Есаулова.

– Гордаша, значит, пока не нужно? – уточнил комендонт – невысокий худощавый блондин с маленьким невыразительным лицом и тихим вкрадчивым голосом желчного сельского учителя.

– Насколько я понял, все пятеро находятся сейчас в отдельном бараке? – в свою очередь спросил Штубер, не желая дважды повторять, что он просит доставить ему именно Есаулова.

– В бараке номер тринадцать, господин оберштурмфюрер, – вежливо склонил голову гауптман. С сотрудниками СД и полиции безопасности он был приучен обращаться предельно вежливо. Независимо от их чинов. Он знал, что в этих службах почитались вовсе не чины. У многих высокопоставленных эсэсовцев, по обычным армейским меркам, они были довольно незначительными. Однако же они занимали какое-то особое положение в эсэсовской иерархии, в тонкостях которой гауптману разобраться было довольно сложно.

– Тринадцатый, говорите? Что ж, номер вполне подходящий.

– Они там вместе с двумя окруженцами, которые были захвачены в плен при попытке агитировать местное население за создание партизанских отрядов.

– Тогда почему эти окруженцы здесь, а не в гестапо или в полиции?

– В полиции их уже допросили. Передали сюда. Просили повесить перед строем пленных. В назидание.

– Провинциальные мерзавцы, – бросил доселе мрачно молчавший Розданов. Он сказал это по-русски, и гауптман ошалело посмотрел сначала на него, потом на Штубера. Рука его с поднесенной ко лбу фуражкой предательски задрожала. «Уж не диверсанты ли?» – вычитал в его глазах Штубер и покровительственно рассмеялся. – Доставляйте, гауптман. Доставляйте со спокойной совестью и без каких-либо подозрений. А вы, Розданов, пойдите вместе с комендантом. Ваши старые знакомые будут рады встрече.

Есаулова привели минут через десять. Он был избит, гимнастерка изорвана, губы – две запекшиеся кровавые шишки.

Конвоир вышел. Комендонт сел в сторонке на стул, и решил не вмешиваться в ход допроса. Однако, как выяснилось, вмешиваться, собственно, было не во что. Несколько минут эсэсовец молча стоял перед пленным, с презрительно-жалостливой миной осматривая его и при этом покачиваясь на носках. Пленный же стоял, опустив глаза, и, не поднимая головы, косясь, поглядывал на немецкого офицера.

– И эту дохлятину вы предлагаете мне в качестве будущего офицера казачьей части русской армии освободителей? Постыдились бы, поручик Розданов!

– Но ведь из казаков же, – принял условия игры поручик. Закинув ногу за ногу, он не спеша достал сигарету, долго стучал ею по портсигару и потом смачно, эффектно закурил.

– Этот – из казаков? Бросьте, поручик! Они теперь все выдают себя за казаков. А те, настоящие, казаки или погибли на берегах Дона, сражаясь против жидо-большевиков, или же лежат расстрелянными на всем пространстве от Дона до Тихого океана. Кстати, Есаулов... Странная фамилия. Если мне не изменяет память, есаул – это казачий офицер. Отвечать, Есаулов!

– Так точно, офицер.

– К тебе-то оно как прилипло? Из беспризорников, небось? Давали клички: «граф», «князь», «есаул». Так потом и записывали, вместо фамилий?

– Офицеры в роду тоже были, – потупясь, объяснил кавалерист.

– Командир взвода в добровольческой казачьей части – такая должность вас устроит, красноармеец Есаулов? В звании лейтенанта, или подпоручика – как вам удобнее будет называть этот чин?

– Разве есть такие части – казачьи, добровольческие? – наконец-то поднял голову пленный, однако, спрашивая это, смотрел не на Штубера, а на Розданова. Понял, что эсэсовец все же не русский, а немец. Розданов же как-никак свой, из русских, из кавалеристов.

Поручик вопросительно посмотрел на Штубера. Лицо эсэсовца оставалось безучастным. Однако, после небольшой паузы, он все же заговорил:

– Создаем, Есаулов, уже создаем. Чем ближе немецкие войска подходят к Дону, тем больше казаков будет подниматься на борьбу за возрождение казачества. Казаки хотят жить так, как жили их предки: с казачьим кругом, выборными атаманами... Я ничего не перепутал, поручик Розданов?

– Все верно, господин оберштурмфюрер. Немцы победят большевиков и уйдут. А казачество на Дону и Кубани заживет своей жизнью, своим миром.

Они оба выжидающе посмотрели на Есаулова. Тот переминался с ноги на ногу и молчал.

– Почему молчите, казачий офицер? – напомнил о себе Штубер. – Надеюсь, я уже могу обращаться к вам как к казачьему офицеру? – оберштурмфюреру все еще казалось, что самолюбие Есаулова должно разыграть именно на этом неожиданном производстве в офицерский чин.

– Негоже, господа офицеры, мне, казаку, из армии в армию, из войска в войско бегать. Казак, он ведь прежде всего об своей воинской святости думать должен. Потому как без нее – какой же он казак?

– Дуришь, станичник, дуришь! – поморщился Розданов, недовольно мотая головой, словно пытался усмирить зубную боль. – Не к месту это. Неужели не понимаешь? Да и тебе ли, казаку потомственному, лезть во все эти философии? Что ты ведешь себя, как провинциальный мерзавец?!

– Не кипятитесь, поручик. Думаю, господин подпоручик войска казачьего понял нас. Просто ему нужно освоиться со своим новым положением. Поэтому не будем его торопить. Семь суток, считаю, должно хватить. Как-никак, за семь суток Господь Бог умудрился сотворить землю и небо. – А как только Есаулова вывели, сказал коменданту: – Сделайте одолжение, гауптман. Кого бы в лагере ни расстреливали или вешали, прихватывайте к месту казни и этого молодца. Как обреченного. По ошибке, которую вам случайно придется исправлять в последний момент. Пусть прочувствует все тернии пути обреченного.

– Яволь, господин оберштурмфюрер.

– И еще, окажите любезность: потребуйте от писарей составить список всех пленных, кто родом с Дона или Кубани.

– Или хотя бы служил в кавалерийских частях, – добавил Розданов.

– Вот именно. А что наш друг, рыцарь странствующего ордена монахов? – обратился Штубер уже к поручику. – Как он чувствует себя?

– Как мне сказали, целыми днями вырезает что-то из куска древесины. Говорят, он художник и скульптор.

– Даже так? – оживился Штубер. – Продолжайте, продолжайте. Это уже интересно.

– В бараке валялось несколько кусков липы, из которой плотники мастерили нары. Он раздобыл где-то кусочек лезвия перочинного ножа, две стекляшки... Много ли нужно умельцу? Древесина липы – мягкая, податливая.

– Не препятствовать, гауптман. Инструмент не отбирать. Предупредите старшего барака, своих подсадных. Барак объявить бараком смертников, однако самого Гордаша не трогать, пусть трудится. Через несколько дней навещу. Нет, Розданов, – резко выпалил Штубер уже садясь в машину, – тут вы не правы! Скульптор в бараке смертников – в этом что-то есть! Вырезать свое творение, зная, что оно – последнее, что завтра тебя казнят – это ли не стимул для истинного гения?

– В мыслях не было возражать, – удивленно уставился на него Розданов.

9

Снилась ему река. Но не та, у которой они держали сейчас оборону, а какая-то маленькая, почти неподвижная речушка с ивовыми берегами, гроздьями лодок у причала да ажурными деревянными мостками.

Громов осматривал эту речушку как бы с высоты птичьего полета и потому мог любоваться зелеными лугами по ту сторону ее, цепочкой миниатюрных, похожих на ярко-зеленые коврики, островков, водопадом у древней полуразрушенной мельницы...

Ничего с ним в этом сне не происходило. Не было ни дота, ни фашистов, которые врывались в их подземную крепость чуть ли не в каждом его коротком сне, ни пикирующих самолетов... Это был на редкость тихий, мирный сон. И единственная мысль, которая понижывала сонное полусознание Андрея, – что все это вне войны, что наконец-то он нашел тот, почти сказочный уголок земли, в котором война его уже не настигнет.

И кто знает, может быть, этот сон и подарил бы ему еще несколько минут невероятного блаженства, если бы и реку, и нависшую над ней тишину, и скособоченную башню мельницы не прошли вдруг короткие пулеметные очереди.

– Дот, к бою! – скомандовал он, прежде чем осознал, где это стреляют – во сне или наяву, и проснулся ли он сам, или же все еще находится в том уму непостижимом состоянии между сном и реальностью, в котором ему приходилось проводить уже пятую ночь.

– Не наблюдаю, командир! – ворвался в его дрему охрипший бас Крамарчука. – Отлеживаются бранденбурги, землю нюхают. Это их пулеметчики просто так очередь дали: то ли нервы, то ли для остротки, во спасение души.

«Он действительно не теряет самообладания или же все это игра? – всмотрелся в лицо сержанта Громов. – Хотя... если человеку удастся перебороть страх, скрыть его, пренебречь опасностью – это, конечно же, игра. Но чтобы так сыграть, нужно быть талантливо храбрым. А этот сержант в храбрости своей истинно талантлив. С такими можно держаться. Впрочем, держаться можно, как оказалось, и с такими, как Сауляк. Может, в этом и заключается высшее предназначение офицера: суметь выполнить приказ с любыми, даже самыми неподготовленными солдатами?»

Раздалась еще одна короткая очередь, и только теперь Громов поверил, что этот пулемет ему не приснился. Он подошел к амбразуре и осмотрел открывшийся квадрат склона. Рассвет только-только зарождался. Реки еще не было видно, однако ее уже довольно четко обозначал густой вал тумана. Этот вал образовывал нечто похожее на крепостную стену, и, может, поэтому река казалась значительно ближе к доту, чем была на самом деле.

Он видел, как прямо на глазах туман редел и, медленно испаряясь, поднимался вверх. Еще одно солнечное утро в пятистах метрах от реки. Еще одно утро его жизни. Сколько их осталось? Два, три?

«Артиллерией они нас не возьмут. Значит, что-то должны предпринять. Что? Попробуют затопить? Пожарные насосы... Река рядом. Колодец еще ближе. Шланги в воздухозаборники и... Но затопить они нас полностью не смогут. Так, по пояс... Может, газами? Конвенцией запрещено, да что им конвенция?..»

Снова пулемет. На этот раз из дота. Но очередь была короткой. Значит, ничего особенного. Нужно беречь патроны!

«Да, так, значит, они попробуют газами...»

– От амбразуры, командир. Сейчас начнут упражняться их задрипанные снайперы-самоучки.

Он снова задремал, прислонившись к станине орудия, но голос сержанта не дал ему уснуть. Надо пойти отоспаться. Еще хотя бы два часа. Хотя бы час. Пока не начался артналет.

Или не пустили в ход авиацию. Дот дарит им роскошь, которой лишены сотни тысяч других людей, загнанных в окопы этой войны: у них есть нары. И даже белье. Надо держаться.

– Не прозевай, сержант, не подпусти к амбразурам. Пойду в пулеметную точку, посмотрю, что там у них, – Андрей взглянул на часы, поднеся их к амбразуре. – Через двадцать минут тебя сменят.

Удивительная и немного угнетающая тишина, гулкие шаги. Тусклое мерцание лампочек на стенах возле отсеков. Громов заглянул в главный каземат. Света не было. Из мрака доносилось тревожное бормотание и легкий храп кого-то из спящих. Лейтенант решил не будить сегодня никого. Пусть спят, пока не разбудят немцы. Даже странно, что ночью фашисты дали им передохнуть. Раньше ведь и по ночам стреляли. По нервам били, изматывали.

– Хорошо, что наведася, командир. Тут вот дело такое... Немец с того света вернулся, – доложил Гранишин, как только Громов вошел в пулеметную точку. – Ни с того ни с сего взял и вернулся.

– Что значит с «того света»?

– А вот так: мертвый лежал, в воронке, вон там. После вечерней атаки. С гранатой рвался к амбразурам. Сам я его и скосил. А сейчас вдруг ожил, стонет, выкрикивает что-то. Несколько раз высовывался. Я его пробовал успокоить, но, кажется, не достал.

– Ну если он ранен, тогда зачем же?... Тогда пусть.

– Так что, может, выползти и перевязать его? Пилюлю в рот сунуть?

– Раненый он, Гранишин, что тут непонятного? Раненых мы не добиваем, – медленно проговорил Андрей, внимательно всматриваясь в то место, где чернела воронка. Она была метрах в двадцати, а это уже на бросок гранаты. – Вот если бы раненый пытался стрелять.

– У нас тут что, ревизоры есть? Акт по каждому усопшему составлять будут?

– Ты же солдат, Гранишин. Солдат, а не убийца.

– Это мы до войны солдатами были. Война всех убийцами сделала.

– Чушь. Хотя лежит он близковато...

– Вдруг гранатами начнет... – поддержал его опасения Гранишин. – Может, его специально там...

– О чем ты? – устало оборвал лейтенант. – Если бы он мог бросать, уже давно забросал бы нас. Да только они там знают, что гранатами дот не возьмешь. Вчерашняя атака – это какой-то бред. Разве что хотели проверить, с чем мы здесь остались, на что рассчитываем. Но проверка обошлась им дороговато.

– Или просто с дури поперли. Шнапса нанюхались.

– С дури немцы не попрут. Не должны. Часть, по всему видно, кадровая. Офицеры опытные. Может быть, из тех, кто уже прошел и Францию, и Польшу. Да и вообще, на дурь противника рассчитывать не стоит.

Он замолчал, и почти сразу же из воронки начали долетать сначала стон, потом ругань и наконец слова мольбы.

– Пить просит, – перевел Громов. – Санитаров и пить.

– Ишь ты – санитаров и пить! Король! – оскалился Гранишин, осекшись на полуслове. – Хотя... оно и понятно. Отлежать ночь, истекая кровью, это, конечно, не в сладость. Ну так, может, к нему еще и медсестру прислать, чтобы приголубила?! Он ведь будет орать здесь сутки. Душу в лохмотья изорвет.

– Ведите себя, как солдат, а не как истеричка, – спокойно сказал Громов. Хотя он, конечно, понимал красноармейца: выслушивать все это, да еще от врага... когда сам с минуты на минуту ждешь, что осколок или пуля снайпера снимут тебя. Однако... Не добивать же его, в самом деле!

В бинокль он видел, как просыпался фашистский окоп. Видел офицера, рассматривающего дот. Слышат они там крики раненого или нет?

- Подползать к нему немцы не пробовали?
- Не замечено, – проворчал Гранишин, очевидно, обидевшись за «истеричку».
- Станьте к пулемету. Наблюдайте. Следите за окопом.

Громов отодвинул бронированную дверь и, пройдя по вырытой галерее, остановился в конце хода сообщения.

– Не стрелять! – крикнул он в рупор по-немецки. – Говорит комендант дота! – В ближних окопах зашевелились. Черными пауками повыползали на бруствер каски. – У дота тяжело раненный немецкий солдат. Двое санитаров без оружия могут подойти и забрать его. Безопасность гарантирую. Слово офицера.

Шли минуты. Ответа не было. Из окопов тоже никто не поднимался.

Громов повторил сказанное и только тогда услышал:

– Рус большевик, сдавайся! Это есть твой последний день!

– Условия остаются прежними! – по-немецки ответил лейтенант, давая понять, что не изменил своего решения.

Возвращаться в дот не хотелось. Отсюда, прижимаясь к стенке галереи, он видел крутой скалистый изгиб речного каньона, вершину которого начало освещать призрачное утреннее солнце; видел уже освободившуюся от тумана часть берега, крыши хат у реки... Однако вокруг стояла все та же удивительная, слишком затянувшаяся, устрашающая тишина, безжалостно накалявшая нервы обреченных, но все еще обороняющихся в доте людей. Даже этой тишиной война постоянно напоминала о притаившейся опасности, пугая вечным безмолвием небытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.